

Рысьи думы

На Камне Тульím, в верховíнах его, на остáнце-венце Рысь возлегла:
закат следила, ждала,
ожиданием тешась да нежась в истоме вечерней.

Но вдумчиво всё ж:
чуткий слух раскрыв горизонту да острый свой взор, пронзающий, коль надоба в том, и твердóты.
Да всё подмечала:

От венца низом – скáлы срывались к воде, бегущей своею надобой да влекущей туда же рыбные рúны:
ватаги могутных красавцев: сиб-мирских тайменей, быстрóты любящих, но и мутные глуби,
стадá тугоумного хариуса: дурак-то дурак, да весь в серебре,
который под вечер, сам-смел, из тíнистых ям подымался на плёсах в верхние вóды:
поиграться с закатом его золотинами,
станцевать лихую, с выпрыгом, джигу,
да ещё помушкáрить: для сытого счастья.

Вдаль – до бескраю – от речных урезв растекались тайги: то гладью, то волнами горных гряд.
Где-то под ними, внизу: в недрах, в породах – сквозь толщи веков текли реками золота жилы,
томились до времени рудными трубами адаманты-алмазы, изумруды-смарагды,
в тёмях копя в себе триумф блестения.

И так же томливо стекал закат: за окоём, за лезвийный предел: вослед за Светилом.

Текло всё, но только не время происходящего с нами, – дúмилось Рыси,
никак не смущённой путаным толком да кривою метафорой, но лишь горечью факта.

Рысьи-то думы извёка – мало питаются от логики формальной, дискретной:
своя у них логика: рысья, зиждимая чутьём да нутряным пониманием боле, нежели аксиоматикой да строгим суждением, строгим – оттого и поверхностным, неглубоким, то и лукавым, подменным.

Рыси же – все, во все времена – не мудрствовали предписано, искомое разом ёмили:
и шестью чувствами, и разумом-смыслом, не то и действием.

А философии если и философствовали, тó не от зауми – от сердца.

Потому и были они – Рыси, наследные хозяйки Росских просторов, потому и одолевали, превозмогали,
а побеждёнными не были. Убитыми – то может, но не побеждёнными.

“Победить – значит понять”.
Кто ж их понять-то сумел, Рысей, кто осмыслил-то?

О застылом, затихшем времени – о времени,
затомлённом тщетами да смутнями,
Рысь Русь понимала правильно. Факт.

И ночи сменялись днями, а дни заменялись ночами. Закаты предвещали восходы,
приливы сулили отливы. Олени копытили ягель, державы меняли стяги: всё торопилось жить:
куда-то стремило, несло, суетилось, да и оказывалось там же: в разбитом корыте,
в долблённом осинном бревне, может и липы.

Раз за разом, день за днём, облако за облаком, книга за книгой, война за войной,
смута за смутой: да так и жили:

густо, насыщенно, буйно, стремглав. Спинами вперёд.

И уже-виденное мчалось впуски, вперегóнки с уже-слышанным, уже-читанным, уже-пробованным
да уже-съеденным, но не всем совсем ясно:

уже – это вчера или завтра плюс-минус век?

Бытие обернулось бытом, история – сводом бюджетов.
Даже цель сущего круга жизни обозначилась внятно:

налогоплатить, тварифооплачивать,
штрафогасить, товаропкупать
и вовремяумереть,

оставив на круг подушно-послушный выводок тварифоплательцев да заёмщиков ипотек злопроцентных...

Русь ждала. Следила закат.